

Посвящается моей матери

— И здесь тоже был один из мрачных уголков Земли, —
сказал вдруг Марлоу.

Джозеф Конрад¹

¹ Перевод А. В. Кривцовой.

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

Внутренние территории

ДВЕ ДЕВОЧКИ В ОДНОЙ КОЖЕ

Роды оказались трудными. Может, самыми трудными на свете, и это в селе, где роженицам и всегда-то приходилось несладко. Живот был большой, но о том, что мать носила двойню, догадались только на третий день с начала схваток. Как прошло разрешение от бремени, как долго меж бревенчатых стен отдавались эхом крики и каким образом суетившимся вокруг женщинам удалось извлечь детей — все это забылось. Такое и рассказывать неприятно, и вспоминать жутко. Мать порвалась и истекла кровью, и предание не сохранило ее имени. Зато навсегда запомнился изъян у близнецов: с одного бока они срослись от бедер до ступней.

Но и все. А так — дышали, кричали, и с головой у них было все в порядке.

Родители их были с хутора Хекне, так что девочек окрестили Халфрид и Гунхильд Хекне. Росли они дружными, много смеялись — словом, одна радость, а не огорчения. Радость отцу, братьям и сестрам, односельчанам. Сестер Хекне сызмальства научили ткать, и они просиживали у станка дни напролет. Четыре ручонки согласно сновали между нитями основы и утка, да так споро, что и не уследишь, чья рука продела пряжу в нужное место на полотне. Узоры у них выходили удивительно красивыми, часто загадочными, и работы их выменивали за серебро или домашний скот.

В те времена и не думали как-то помечать рукоделие, так что позже многие готовы были дорого платить за хекнеское ткачество, даже не будучи уверенными, что это не подделка. На самом известном полотне сестер Хекне изображена была Скреженошь — так местные жители представляли себе Судный день, унаследовав от предков и переиначив Рагнарок, древние северные пророчества о гибели богов. Мол, море огня превратит ночь в день, и на рассвете, когда все сгорит дотла и снова воцарится тьма, живые и мертвые вереницей потянутся по оголенной, ободранной до скального основания земле на суд. Полотно отдали в церковь, где оно и висело на памяти нескольких поколений, пока не пропало как-то ночью при запертых дверях.

Сестры редко покидали хутор, хотя передвигаться им было совсем не так трудно, как можно было подумать. Они ходили как бы на три счета, будто вместе несли ведро, до краев наполненное водой. Чего им не удавалось преодолеть, так это подъема на пути к дому. Хекне стоял на крутой горе, и зимняя гололедица была для сестер смертельно опасна. Но хутор располагался на солнечной стороне, земля рано появлялась из-под снега, часто уже в марте, и сестры выходили во двор в одно время с весенним солнышком.

Хутор Хекне отстроили в этих краях одним из первых, а потому он оказался и одним из лучших. Семье принадлежали два летних пастбища в горах, а на Большом выпасе пощипывало сочную травку стадо упитанных коров. От хутора было всего ничего ходу до богатого рыбой озера Нижнего ущелья, где стоял лодочный сарай, сложенный из девятидюймовых бревен. Но истинной мерой зажиточности было в Гудбрандсдале серебро. Это был своеобразный банковский счет крестьянина, его наглядный и подручный резерв.

Хутор и зваться хутором был недостойн, если у владельцев не было серебряных приборов на восемнадцать персон. Торговля же ткаными коврами принесла Хекне серебра на тридцать комплектов.

Когда близняшки из Хекне стали подрастать, одна из них заболела. Мысль о том, чем это может кончиться — что выжившая будет таскать на себе тело сестры, — была нестерпима их отцу, Эйрику Хекне, и он отправился в церковь молить о ниспослании им смерти одновременно.

Его услышал пастор, и, вероятно, Бог тоже. Смерть пришла к девочкам в один и тот же день, и, предчувствуя кончину, они потребовали оставить их наедине. Отец и остальные дети ждали за дверью. Им слышно было, что девочки обсуждают, как лучше завершить какое-то важное дело. В этот день они закончили ткать Скреженощь. Начинали они эту работу вместе, и Гунхильд собиралась все доделать, когда Халфрид умрет и от ее рук помощи уже не будет. Отец не беспокоил их во время работы, потому как сестер окутывала аура некой значительности, коей ни ему, ни другим, жившим вровень с камнями и водой, было не дано понять. Ближе к ночи из-за двери послышался кашель, а потом стук упавшего на пол бёрдо.

Хуторяне вошли в светелку и увидели, что Гунхильд вот-вот умрет. Сама она, похоже, их не заметила; прижалась лицом к сестре и сказала:

— Ты снуешь широко, я спую близенько; когда коврик соткан будет, обе мы вернемся в люди.

Затем притянула руки Халфрид к себе, зажав ее пальцы в своих, приникла к сестре, и так они и лежали со сплетенными пальцами подобно тому, как сплетаются голоса в единой молитве.

Новые поколения расходились во мнении о том, что имела в виду Гунхильд. Ее слова, прозвучавшие на диалекте, толковали по-разному. Сновать — значит и продевать пряжу в основу, и быстро двигаться. Когда их рукоделие отнесли в церковь, пастор записал последние слова Гунхильд с оборотной стороны рамы, на которой закрепили ткань. Но письменный язык не мог объять широты диалекта, и фраза получилась какой-то убогой: ты пойдешь далеко, я пойду рядом, и когда мы дотчем ткань, обе вернемся назад.

Похоронили девочек под полом в церкви, и в благодарность за то, что им даровано было умереть вместе, Эйрик Хекне заказал отлить два колокола для церкви. Их стали называть Сестринными колоколами, и звук у них был бесподобно мощный и глубокий. Звон разносился далеко от деревянной церкви, заполняя всю долину, двигался ввысь по горам и отражался от крутых уступов. Когда озеро Лёснес, рядом с которым стояла церковь, сковывало льдом, колокола слышно было в трех ближайших селах — они звучали как слабый перезвон с колоколами их собственных церквей, а некоторые утверждали, что иногда ветер доносил раскаты колокольного звона и до горных пастбищ.

Первый звонарь оглох, отзвонив три службы. Пришлось сколотить помост в самом низу колокольни, там он и становился, залепив уши пчелиным воском и замотав голову и уши полоской кожи.

В звуках Сестринных колоколов не было ничего мрачного или пугающего. Каждый удар исходил из самой сердцевины обещанием несущей лучшую жизнь весны и долго раскатывался мелодичными перезвонами. Эти звуки проникали глубоко в сердце, навевая светлые образы, задевая потаенные струны огрубевших душ. В руках умелого звонаря колокола обращали сомневающих в примерных прихожан. Объяс-

няли же могущество звона Сестриных колоколов тем, что отлиты они из звонкого металла. В те времена этими словами обозначали серебро, которое по дорого обходившемуся обычаю бросали в расплавленный для отливки колоколов металл. Чем больше серебра, тем красивее звон.

Хитроумные литейные формы, да и вся бронза, уже стоили Эйрику Хекне целого состояния; он отдал за них больше, чем его дочери выручили за свои тканые картины. В беспмятстве горя он подошел к литейному чану и бросил туда все серебряные приборы, а потом, опустошив карманы, швырнул в кипящий сплав две пригоршни серебряных далеров, и они удивительно долго расплывались по поверхности литья, пока не ушли на дно, расплавившись, а на их месте показались пузыри.

Впервые о том, что Сестрины колокола предвещают беду, заговорили во время постигшего долину гигантского паводка. Снег стаял внезапно и угрожающе, по-летнему черное небо давило и мучило головной болью, и в ночь, когда река вышла из берегов, сельчан разбудил звон церковных колоколов. Зарядил дождь, и хуторяне едва успели покинуть свои дома до того, как их унесло водой. Кряжистые рубленые строения переворачивало вверх тормашками, бушующий поток швырял как прутьики бревна из срубов. По озеру Лёснес плыли тяжелые белые комы, глубоко сидевшие в воде, — овцы. Только потом, когда люди прямо под дождем принялись пересчитывать друг друга и всю семью звонаря тоже посчитали, выяснилось, что звонарь к церкви даже не приближался. Пастор пошел проверить, что там такое, и оказалось, что дверь в церковь все время оставалась запертой.

Эйрика к тому времени давно не было в живых. Никому не ведомо, пожалел ли он когда-нибудь о том, что расплавил серебро, но так много этого добра ушло на Сестрины колокола, что хутор не раз оказывался на грани продажи за долги. Была бы возможность разделить Хекне на Верхний и Ближний хутора, так бы и поступили, но участки тогда оказались бы слишком маленькими, к тому же один из них располагался на слишком крутом склоне. В последующие годы два мелких хозяйства в Нижнем ущелье, сдававшиеся в аренду, и Большой выпас забрал в казну судебный пристав, так что за расточительность Эйрика Хекне заплатили его потомки. Кое-что семье все же удалось сохранить; у наследников подрастали свои наследники, и у каждого было собственное мнение об основателе рода. Мало кто считал церковные колокола лучшим вложением серебра: уж лучше бы оно пошло на нужды полей и скотных дворов. Как бы то ни было, эта история служила напоминанием о том, что тяжелый труд сносить легче, чем горе. Каждое воскресенье до хутора доносился утешающий печали звон колоколов, которые Эйрик по праву называл Дочерними; это название умерло вместе с ним.

ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ

Сестрины колокола исправно звенели над селом. Они звонили для живых, для умирающих и умерших, оповещали о венчаниях, крестинах и конфирмациях, о рождественской службе, а когда и о лесном пожаре, наводнении или оползне. В селе редко появлялись новые жители, редко кто покидал его; уехавшие никогда не возвращались, и, будучи детьми, многие думали, что все церковные колокола звучат так же, как Сестрины; так люди, живущие с видом на величественный пейзаж, не замечают в нем ничего особенного.

Колокола висели себе на колокольне, пока в 1880 году вместе со всем селом не были по произволу амбиций ввергнуты в водоворот резких перемен. Одному из колоколов суждено было оказаться под водой, а потом быть поднятым из нее, и оказалось, что единственным человеком, сумевшим повлиять на судьбу колоколов, была юная девушка из рода Хекне. Принесенная ею жертва была не меньшей, чем жертва родителей сестер Хекне, но она принесла ее втайне, и долгое время только один человек помнил о ее поступке. Ведь чтобы сохранить о ней память, требовалось понять, что ею двигало, а для этого нужно было знать предысторию деревянной церкви, прихожанкой которой была девушка, и самого села.

Жители Хекне ходили на службы в церковь села Бутанген, расположенного в узкой пади между Фовангом и Треттеном. В те времена село состояло примерно из сорока хуторов и насчитывало около тысячи душ вместе с арендаторами. Название села истолковывали каким-то запутанным образом, но рассказывать об этом доводилось нечасто, поскольку до этих краев добирались немногие. Между ведущей дальше в горы грунтовой дорогой и селом располагалось узкое, но длинное и глубокое озеро Лёснес с крутыми скалистыми берегами, поросшими лесом. Бутанген, то есть «жилая коса», получил такое название, поскольку являлся единственным местом на озере, где берег был достаточно ровным, чтобы можно было хоть что-нибудь построить. Постоянно здесь никто не жил, но раз уж тут располагался сарай для лодок и пристани и оттуда же зимой осуществлялись перевозки по льду, то и все село называли так же. Саму церковь возвели выше по склону, отчасти ради того, чтобы ее было видно издали, но еще и потому, что после несчастья в Фованге люди знали, каких дел сильный паводок может натворить с церковным кладбищем.

Крестьянские семьи крепко держались за те клочки земли на склонах долины, которые их предки объявили своими. Некоторые хутора стояли на таких крутых и каменистых откосах, что за три поколения члены семьи едва успевали расчистить три небольших участка под посадки. Зато каменные изгороди возводили настолько высокими, что в Бутангене волкам не досталось ни единой овечки.

Изменения происходили исподволь. Село лет на двадцать отставало от соседних, которые, в свою очередь, лет на тридцать отставали от городских поселков Норвегии, оставшей от остальной Европы еще на пятьдесят. Одной из причин была почти непроходимая местность. Любопытным, если таковые объявлялись, требовалось выбрать тот берег реки Лауген, вдоль которого шел путь на север, а добравшись до фовангской церкви, если им удавалось ее найти и если у них еще не пропадало желание увидеть Бутанген, нужно было подняться по склону долины и двинуться по тропинке на дне расселины до хутора Уксхоль. Дальше тропинка шла по каменной осыпи и была практически невидима глазу. Большинство забирали там влево и оказывались в долине Уксхольдал, где никакого жилья не было. Только если свернешь вправо в определенном месте, перед тобой откроется вид на Бутанген, с церковью на склоне и лежащими окрест хуторами. Но прежде глаз путников обозревал глубокое-преглубокое озеро Лёснес и коварные Лёснесские болота. На этом месте почти все поворачивали назад, а немногочисленные смельчаки сдавались позже, не отыскав тропы и оказавшись ближе к ночи по колено в трясине и настолько облепленными комарем, что кожа походила на шерсть.

Единицам удалось обогнуть озеро Лёснес или посчастливилось встретить расставляющего снасти неразговорчивого сельчанина и уговорить его перевезти их на лодке. Добрав-

шиися до места или женились, или погибали от ножа. Но это, конечно, преувеличение: на самом деле жилось в Бутангене хорошо. В речку Брейю, проточившую эту долину, впадало множество ручейков, снабжавших хутора водой. Река и все ее бесконечные разветвляющиеся рукава, протекающие между солнечными, покрытыми пышной растительностью или скрытыми в таинственной тени берегами, сообщали местности какую-то неброскую прелесть. За последней резкой излучиной река мощным потоком вливалась в озеро Лёснес. Пусть склоны этой небольшой долины и были круты и недоступны, зато они защищали ее жителей от ветра и при этом не застили солнца. Если же ехать по ней дальше, можно пообщаться с жителями Бреккома и Имсдала, чаще всего кивнув им издали или приветственно помахав рукой.

К тому же отсюда легко и быстро добраться куда потребуется зимой. Когда озеро Лёснес сковывало льдом, по замерзшей реке и болотам можно катить вниз, к Фовангу. Жизнь сельчан шла в такт с полугодиями. Зимой ездили в гости, договаривались о свадьбах, заготовливали лемехи и порох. Кого-то тянуло в дальние края, но побывавшие в этих дальних краях сказывали, что и там у людей схожие заботы, только, может, справляются с ними чуть иначе, а ради этого стоит ли уезжать. Как ни крути, везде надо вкалывать, а вкалывать можно и дома, где помогут родные и знакомые.

Так уж повелось в этих местах, что чужакам не доводилось влить свои легковесные гены в скрытный характер жителей Гудбрандсдала. Здесь не то что у побережья, где неспешность природы разбавляли потерпевшие крушение моряки из Средиземноморья. В принявших их портах они на прощание оставляли в животах девчонок подарки — подарки, покидавшие эти животы в образе резвых детишек с угольно-черными волосами. Жители долины продолжали вести скрытую за камен-